

ARTUR CONAN DOYLE
Артур Конан Дойл

Артур
Конан Дойл

Детективы сэра Конан Дойла до сих пор расходятся миллионными тиражами, а многочисленные экранизации всегда вызывают интерес у зрителя!

— Я следователь из местного отделения. Мне поручено расследовать смерть молодого человека, который недавно умер в вашем доме.

Такого удара я не ожидал! Если огорченное лицо может служить признаком вины, то меня, наверное, можно было бы признать злоумышленником прямо на месте. Мысль о чем-то подобном мне даже не приходила в голову. Однако, надеюсь, я очень быстро пришел в себя...

— Умер он позавчера. Похороны были назначены на восемь утра, — поправил его я и рассказал всю историю с самого начала. Он слушал очень внимательно и пару раз что-то чиркнул в свою записную книжку.

— Кто засвидетельствовал смерть? — спросил он.

— Я сам, — ответил я.

Его брови слегка приподнялись.

— Получается, что ваши слова подтвердить некому?

Весь
Шерлок
Холмс

Загадка
Старка Манро

Весь ШЕРЛОК ХОЛМС

Загадка
Старка Манро

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3771-6

9 785991 037716

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-1699-0

9 786171 216990

Весь Шерлок Холмс

THE TIMES
OR-DAILY CHRONICLE & REGISTER
PRINTED LOGOGRAPHICALLY

London Gazette.
Exam. 2445

*... on the present and generations to come
... and their hopes and dreams for the
... without ourselves and what must
... the good times so very uncertain
... in our hands so that they may be
... in the best and truest sense*

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ЗАГАДКА СТАРКА МАНРО

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ВИТАЛИЯ МИХАЛЮКА

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2017 ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Д62

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Составление серии и послесловие *Сергея Реутова*

Дизайнеры обложки *Наталья Переходенко, Виталия Котляра*

Иллюстрация на обложке *Романа Ногина*

Художники *Андрей Печенежский, Галина Печенежская*

ISBN 978-617-12-0171-2 (серия)
ISBN 978-617-12-1699-0 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3771-6 (Россия)

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2017

*Подборка из двенадцати писем
Дж. Старка Манро, бакалавра медицины,
его другу и бывшему однокурснику
Герберту Суонборо из Лоуэлла,
штат Массачусетс. 1881—1884 гг.*

Редакция и упорядочивание — А. Конан Дойл

Мне кажется, что письма моего друга мистера Старка Манро, собранные вместе, складываются в некое неразрывное единое произведение. К тому же они столь живо передают некоторые из тех трудностей, с которыми может столкнуться молодой человек, впервые вступающий на трудовую стезю, что я решил передать их в руки джентльмена, который взялся отредактировать их. Несмотря на то что из двух писем, из пятого и из девятого, пришлось вычеркнуть определенные места, я надеюсь, что в целом они заслуживают того, чтобы быть вынесенными на суд читателя. Я уверен, что мой друг посчитал бы для себя большой честью, если бы какой-нибудь другой молодой человек, утомленный потребностями этого мира и снедаемый сомнениями относительно мира иного, обрел новые силы, читая о том, как его собрат преодолевал свой тернистый путь.

*Герберт Суонборо,
Лоуэлл, Массачусетс*

ПИСЬМА СТАРКА МАНРО

I

Дом, 30 марта, 1881

Дорогой Берти, после твоего возвращения в Америку мне стало очень тебя не хватать, поскольку ты — единственный человек в этом мире, с кем я мог разговаривать совершенно откровенно. Не знаю, что тому причиной, поскольку теперь, размышляя над этим, я вспоминаю, что никогда не имел счастья пользоваться твоим ответным доверием. Впрочем, возможно, что в этом виноват я сам. Может быть, несмотря на мои старания, ты не видел во мне хорошего собеседника. Могу лишь сказать, что для меня ты был именно таким хорошим собеседником, который может не только выслушать, но и понять, и прочувствовать то, что ему говорят. Знаешь, порой меня посещает мысль, что я бываю слишком назойлив. И все же нет, всеми фибрами души я чувствую, что мои откровения не утомляют тебя.

Помнишь ли ты Каллингворта из университета? Занятия по атлетике ты не посещал, поэтому вполне может быть, что не помнишь. Как бы то ни было, я буду исходить из того, что ты его не помнишь, поэтому расскажу все с самого начала. Хотя, может статься, что ты узнал бы его по фотографии, потому что он был самым уродливым студентом на нашем потоке и на такое лицо просто невозможно не обратить внимание.

Он был хорошим атлетом, одним из самых быстрых и напористых форвардов в университетской команде регби, которых я когда-либо видел, только играл он слишком грубо, поэтому на международные соревнования его не выпускали. Он был высоким, наверное, около пяти футов девяти дюймов, с широкими плечами и развитой грудной клеткой, и у него была своеобразная, какая-то подпрыгивающая походка. Голова у него большая и круглая, как мяч, а волосы — короткие, жесткие и торчащие, словно щетка. Лицо у него удивительно уродливое, но это уродство, так сказать, осмысленное, которое так же привлекательно, как красота. Подбородок и надбровья — угловатые, как будто наспех вырубленные из куска камня, нос — хищный, с красными ноздрями, водянистые близко посаженные глазки могут принимать как очень веселое, так и исключительно грозное выражение. Верхнюю губу его украшали жесткие усы, зубы у него желтые, крупные и выпирающие. Можно добавить, что он никогда не носил воротничка или галстука, шея его цветом и видом напоминала кору шотландской ели, а голос и в особенности смех — рев быка. Теперь ты можешь себе представить (если, конечно, тебе удастся мысленно соединить все это в одну картину) внешний облик Джеймса Каллингворта.

Однако в этом человеке наиболее интересен был не внешний, а внутренний облик. Я не хочу делать вид, будто знаю, что такое гений. Мне всегда казалось, что Карлейль дал очень хорошее, ясное и лаконичное определение тому, чем гений *не* является. Помимо того, что гений является бесконечным источником мук, его основной характеристикой я, на основе своих наблюдений, мог назвать то, что он позволяет своему носителю добиваться определенных результатов, так сказать, инстинктивно, в то время как остальные люди могут достичь таких же результатов исключительно

тяжелым упорным трудом. В этом смысле Каллингворт является величайшим гением из всех мне известных. Я никогда не видел, чтобы он работал, и тем не менее награду по анатомии получил именно он, а не остальные студенты, которые корпели над учебниками по десять часов в сутки. Этому можно было бы и не придавать особого значения, ведь могло быть и так, что днем он просто делал вид, что ничего не делает, при этом наверстывая упущенное по ночам, но достаточно было заговорить с ним на какую-то отвлеченную тему, чтобы убедиться в его оригинальности и необычных способностях. Если его спрашивали, допустим, о торпедах, он тут же брал в руки карандаш и на обороте старого конверта, выуженного из кармана, набрасывал схему какого-нибудь хитроумного устройства для пробивания судовых сетей и бортов, которое, несомненно, с технической точки зрения было невозможным, но выглядело весьма правдоподобным и новым. Рисуя чертеж, он хмурил ершистые брови, от усердия маленькие глазки его блестели, а губы сжимались в тонкую полоску. В завершение он хлопал по работе раскрытой ладонью с восторженным криком. Глядя на него в ту минуту, можно было бы подумать, что изобретение торпед — его единственная цель в жизни. Но уже в следующий миг, стоило лишь высказать удивление по поводу того, как древним египтянам удавалось затаскивать огромные каменные блоки на верхушки пирамид, снова появлялись карандаш и конверт, и он с тем же усердием и энергией погружался в составление схемы, подсказывающей решение с инженерной точки зрения. Эта изобретательская жилка соединялась в нем с необычайной возбудимостью. Расхаживая по комнате из угла в угол своей чудной торопливой походкой, после какого-нибудь подобного изобретения, он за пять минут успевал его запатентовать, взять тебя в деловые партнеры, внедрить свою находку во всех

странах мира, обзреть все области ее применения, подсчитать возможные барыши, придумать, как их выгодно пустить в оборот, и, наконец, удовлетвориться самым большим состоянием, когда-либо заработанным одним человеком. И его речи захватывали, ты проделывал каждый шаг вместе с ним, после чего испытывал дикое разочарование, когда опускался с небес на землю и, идя по улице с керковским учебником физиологии под мышкой, вдруг начинал понимать, что ты всего лишь бедный студент и в кармане у тебя едва ли хватит монет, чтобы как следует пообедать.

Только что я перечитал написанное и понял, что все-таки не сумел передать, как дьявольски умен Каллингворт. Его взгляды на медицину иначе как революционными не назовешь, но я думаю, что, если все пойдет должным образом, у меня еще будет возможность подробно написать об этом. При удивительном и необычном даре, прекрасных физических данных, странной манере одеваться (шляпу он носил исключительно на затылке, а горло никогда не прикрывал), при зычном голосе и безобразном притягивающем лице, это была настоящая личность, наделенная такой внутренней силой, которой я не встречал больше ни у кого другого.

Тебе, возможно, покажется, что я слишком много внимания уделяю этому человеку, но, поскольку, как мне кажется, его жизнь необычайно тесно переплелась с моей, для меня он представляет особенный интерес. Я пишу все это для того, чтобы, с одной стороны, оживить собственные полузабытые мысли и ощущения, и, с другой, — в надежде, что рассказ мой станет для тебя занятным и интересным. Поэтому мне кажется, что не лишним будет привести еще один-два примера, которые позволят тебе получше понять его характер.

Он не лишен определенного геройства. Как-то раз он был поставлен перед выбором: либо скомпрометировать

леди, либо спрыгнуть с третьего этажа. Не задумываясь ни на секунду, он выбросился из окна, и только чудо помогло ему остаться в живых. Сначала он упал на ветки лаврового дерева и лишь потом свалился на землю, которая после недавнего дождя была достаточно мягкой, так что отделался он лишь синяками и ушибами. Я думаю, это может перевесить многие недостатки, которые у него, конечно же, есть.

В университете он любил шумную мальчишескую возню, но следовало избегать с ним подобных игр, потому что невозможно было предугадать, чем это закончится. Норов у него был просто дикий. Я видел, как он в секционных залах начинал резвиться с кем-то из друзей, но потом совершенно неожиданно веселость его куда-то уходила, глаза наливались кровью, и в следующую секунду они уже катались под столом, сцепившись, как собаки. Когда их растаскивали, от душащей его злости он даже не мог говорить, только шумно дышал, а жесткие волосы его топорщились, как на загривке у бойцового терьера. Однако эта драчливость порой находила и лучшее применение. Помню такой случай. Однажды наш университет посетил один видный лондонский специалист, и во время лекции кто-то с переднего ряда постоянно что-то выкрикивал с места и мешал ему до такой степени, что профессор наконец не выдержал и обратился к аудитории. «Эти реплики просто невыносимы, джентльмены, — сказал он. — Может меня кто-нибудь избавить от этого шума?» — «Эй, господин на переднем ряду, придержи язык», — гаркнул с места Каллингворт своим зычным басом. — «А кто меня заставит? Может, ты попробуешь?» — ответил на это парень с переднего ряда и презрительно глянул на него через плечо. Тогда Каллингворт закрыл тетрадь и стал спускаться вниз по партам, к радости трехсот зрителей. Довольно забавно было наблюдать

за тем, как осторожно он шел, стараясь не наступить на чернильницы. Когда он наконец спустился и спрыгнул на пол, его оппонент встретил его прямым ударом в лицо. Однако Каллингворт вцепился в него бульдожьей хваткой и выволок из аудитории. Что он там с ним делал, я не знаю, но грохот из-за двери раздался такой, будто там выгрузили тонну угля, после чего добровольный блюститель порядка спокойно вернулся в аудиторию, как будто ничего особенного не произошло, хотя один глаз у него сделался похож на перезрелый тернослив. Пока он шел на свое место, мы приветствовали его троекратным ура. После этого он вновь углубился в изучение опасностей, которыми чревата *placenta praevia*.

Склонности к пьянству он не имел, но даже малейшая доля спиртного производила на него сильнейшее воздействие. Если он выпивал, идеи начинали прямо-таки бить из него ключом, причем самые невероятные и неожиданные. И если уж ему случалось, что называется, перебрать, тут уж он был способен на что угодно. Иногда он начинал буйнить, иногда — читать проповеди, а иногда — просто строить из себя клоуна. Бывало, все эти состояния накатывали на него по очереди, причем сменялись с такой скоростью, что товарищи его просто диву давались. Опьянение сопровождалось и другими маленькими странностями. Например, во хмелю он мог идти или бежать совершенно прямо, но потом всегда подсознательно возвращался на то место, откуда начинал путь, и снова шел по своим следам. Иногда это приводило к непредсказуемым последствиям, как в том случае, о котором я хочу рассказать.

Однажды вечером, когда с виду Каллингворт казался совершенно трезвым и спокойным, но в душе у него клокотал огонь, он пришел на вокзал, наклонился к окошку кассы и самым учтивым голосом поинтересовался у кассира,

сколько ехать до Лондона. Когда тот поднял голову, чтобы ответить, Каллингворт мощнейшим ударом через маленькое окошко сбил его со стула. Бедняга закричал от боли и возмущения, и на его крики сбежались несколько полицейских и железнодорожников. Они бросились в погоню за Каллингвортом, но тот выбежал на длинную прямую улицу и с проворством гончей собаки легко оторвался и скрылся в темноте. Преследователи остановились и стали обсуждать странное происшествие, и представь себе их удивление, когда через какое-то время на той же самой улице послышался приближающийся топот и из темноты появился человек, за которым они только что гнались. Он со всех ног мчался прямо на них. В тот вечер одна из его странностей сыграла с ним злую шутку: где-то по дороге он развернулся и побежал в обратном направлении. Разумеется, его поймали, навалились всей гурьбой и после долгой и отчаянной борьбы все-таки смогли отправить в полицейский участок. На следующее утро он предстал перед судом, но выступил в свое оправдание с такой пламенной речью, что сумел добиться сочувствия и даже расположения судьи и в итоге отделался лишь небольшим штрафом. Когда же суд закончился, по его приглашению свидетели и полицейские, участвовавшие в его задержании, отправились в ближайший паб, и дело завершилось грандиозной пирушкой.

Ну что ж, если даже такими примерами я не сумел передать характер этого человека — интересного, талантливого, многостороннего, шального, — то вынужден признать, что просто не в состоянии этого сделать, как бы ни старался. Однако я все же надеюсь, что со своей задачей справился, поэтому теперь расскажу тебе, терпеливейший из моих наперсников, какие отношения связывают с ним меня.

Когда я с ним случайно познакомился, он был холостяком. Однако в конце летних каникул он как-то окликнул

меня на улице и громогласным голосом сообщил, что только что женился, сопроводив эту новость сильным хлопком по плечу. Тут же по его предложению я отправился к нему знакомиться с его супругой, и по дороге он рассказал мне историю своей женитьбы, которая была такой же необычной, как и все остальное, что он делал. Истории его я тебе, дорогой Берти, пересказывать не буду, поскольку и без того чувствую, что вдаюсь в излишние подробности, но это была просто сумасшедшая история, в которой немаловажную роль сыграли запираение гувернантки в ее комнате и перекрашивание волос Каллингворта. Кстати, от последствий второго он так никогда и не смог избавиться, и с тех пор к его особенностям добавилось еще и то, что, когда на его волосы под определенным углом падал солнечный свет, они начинали переливаться всеми цветами радуги и поблескивать.

Мы дошли до его дома, и он представил меня миссис Каллингворт. Это была скромная маленькая сероглазая женщина с милым личиком и тихим голосом, мягкая и спокойная в общении. Достаточно было увидеть, какими глазами она на него смотрит, чтобы понять, насколько она подчинена его власти: что бы он ни делал, что бы ни говорил, большего авторитета для нее не существовало. Ей было не чуждо и упрямство, но мягкое, даже кроткое. Если она и пыталась настоять на своем, то только для того, чтобы доказать его правоту. Однако все это я выяснил позже, а тогда, во время своего первого визита к ним, больше всего меня поразила ее невинная красота.

Жили они довольно своеобразно — снимали крошечную четырехкомнатную квартиру над продуктовой лавкой. У них были кухня, спальня, гостиная и еще одна комната, которую Каллингворт иначе как рассадником заразы не называл и даже избегал заходить в нее, хотя я убежден, что

виной всему был запах сыра, который просачивался в нее из магазина внизу. Как бы то ни было, он с присущей ему энергией не только запер ее на ключ, но даже заклеил лакированной бумагой все щели и отверстия в двери, чтобы воспрепятствовать распространению воображаемой инфекции. Мебель у них была только самая необходимая. Помню, в гостиной у них стояло всего два стула, так что, если к ним кто-нибудь приходил (хотя мне кажется, что я был их единственным гостем), Каллингворту приходилось умаскиваться в углу на кипе прошлогодних выпусков «Британского медицинского журнала». У меня до сих пор стоит перед глазами, как он вскакивает со своего низенького сиденья, начинает метаться по комнате и молотить воздух руками, сотрясая стены зычным голосом. При этом женушка его сидела тихонько в углу, слушала мужа и наблюдала за ним влюбленными и восхищенными глазами. Какая была разница нам троим, на чем мы сидели или где жили, если в нас кипела молодость, а души переполняли великие надежды на будущее? До сих пор я вспоминаю те камерные вечера в пустой, пропахшей сыром комнате как одни из самых счастливых в своей жизни.

Я часто бывал у Каллингвортов, потому что удовольствие, которое я получал от посещения их, приумножалось и надеждой на то, что они испытывали еще большее удовольствие от моих визитов. Знакомых у них не было, как и желания с кем-то знакомиться, поэтому я, по сути дела, был единственной ниточкой, которая связывала их с внешним миром. Я даже позволял себе вмешиваться в ведение их крошечного хозяйства. Каллингворт в то время носился с идеей, что все болезни человечества происходят от того, что мы утратили связь с живой природой, и наши предки были здоровее нас, потому что все время жили на открытом воздухе. В результате окна в их квартире перестали

закрывать днём и ночью. Поскольку жена его была очень болезненной, но скорее бы умерла, чем позволила себе перечить мужу хоть словом, я решил сам подсказать ему, что мучивший её кашель не удастся излечить до тех пор, пока она будет проводить все время на сквозняке. Он бросил на меня сердитый взгляд, и я уж подумал, что сейчас мы с ним поссоримся, однако взрыва так и не последовало, а он стал более взвешенно относиться к вопросам вентиляции.

В то время вечера мы проводили за весьма необычными занятиями. Ты, конечно же, знаешь, что существует так называемое воскоподобное вещество, которое собирается в тканях тела во время определенных болезней. Патологи поломали уже немало копий, пытаюсь выяснить, что это такое и как оно образуется. Каллингворт имел на этот счет свое мнение, он был полностью уверен, что воскоподобное вещество — это тот же самый гликоген, который обычно вырабатывается печенью. Но одно дело иметь убеждение, а другое — суметь доказать его. В общем, перед нами встала задача найти образец этого вещества для проведения исследований. Как ни странно, фортуна оказалась к нам благосклонна. Университетскому профессору патологии удалось где-то раздобыть образец печени с этим веществом. Перед очередным занятием он с гордостью продемонстрировал нам в аудитории этот орган, после чего велел своему помощнику отнести и положить его в ледник для дальнейшего микроскопического исследования на практических занятиях. Каллингворт решил, что упускать такой шанс нельзя, потихоньку выскользнул из аудитории, раскрыл ящик со льдом, обернул жуткую поблескивающую массу своим ольстером, снова закрыл ящик и преспокойно ушел. Я не сомневаюсь, что исчезновение той печени и по сей день является самой большой из неразгаданных загадок для нашего профессора.

Весь тот вечер и много последующих вечеров мы провели за изучением той печени. Для наших опытов требовалось подвергнуть этот орган воздействию очень высокой температуры, чтобы отделить азотистое клеточное вещество от безазотистого воскоподобного вещества. При совершенном отсутствии лабораторных инструментов мы не придумали ничего лучше, как разрезать печень на тонкие ломтики и поджарить их на сковородке, так что несколько ночей подряд случайный свидетель мог бы с удивлением наблюдать, как прекрасная девушка и двое молодых людей с озабоченными лицами готовят фрикасе из человеческой печени. Однако все наши старания оказались напрасными, поскольку, хоть Каллингворт и считал, что подтвердил свою правоту экспериментальным путем и даже написал несколько пространных статей на эту тему в различные медицинские издания, он никогда не умел доступно излагать свои мысли на бумаге, и поэтому, я уверен, у его читателей осталось весьма смутное представление о том, что он хотел им доказать. И кроме того, он ведь тогда был простым студентом, поэтому вряд ли к его работе отнеслись с должным вниманием, по крайней мере, я не слышал, чтобы хоть кто-то его поддержал или помог.

В конце года мы оба успешно сдали экзамены и превратились в имеющих соответствующую квалификацию врачей. Каллингворты куда-то пропали, и с тех пор я о них не слышал, поскольку гордость моего товарища не позволяла ему опуститься до написания писем. Его отец когда-то имел большую и весьма прибыльную практику на западе Шотландии, но несколько лет назад он умер. На основании услышанного когда-то брошенного вскользь замечания я могу лишь предположить, что он мог отправиться на свою родину проверить, не сослужит ли ему там службу его фамилия. Я же, как ты помнишь из моего предыдущего письма,

начал с того, что стал работать ассистентом при своем отце, но ты ведь знаешь, что его практика может принести в лучшем случае семьсот фунтов в год, а никакой надежды на ее дальнейшее развитие нет, так что нам с отцом этого не хватит, да и мои религиозные убеждения порой сильно раздражают старика. Мне кажется, что, по большому счету, все идет к тому, что мне будет лучше отойти от этого дела и заняться чем-то другим. Я подал заявки в несколько пародных компаний и по меньшей мере в дюжину больниц разослал прошения о принятии на должность хирурга-практиканта, но, хоть эти места могут принести какую-нибудь жалкую сотню в год, конкурс на них такой, словно это пост генерал-губернатора Индии. Как правило, мои документы возвращаются ко мне без всяких комментариев, а это, надо сказать, прекрасно учит смирению. Конечно же, жить при матушке очень даже неплохо, да и мой младший братец Пол мне скучать не дает. Я учу его боксу, и видел бы ты, как он поднимает свои маленькие кулаки и отбивается правой. Сегодня вечером он заехал мне под челюсть, поэтому на ужин я попросил приготовить для меня яйца-пашот.

Все это подводит мой рассказ к дню нынешнему и к самым последним новостям. Этим утром я получил телеграмму от Каллингворта... Это после девяти месяцев гробового молчания. Отправлена она из Эйвонмута, города, где он, по моим предположениям, и должен был обосноваться, и содержит всего несколько слов: «Приезжай немедленно. Ты мне срочно нужен. Каллингворт». Разумеется, я поеду завтра же первым поездом. Невозможно предугадать, что это значит, но где-то очень глубоко в душе я надеюсь, что Каллингворт начинает какое-то дело и хочет предложить мне стать партнером или что-то в этом роде. Мне всегда казалось, что ему рано или поздно все же удастся реализовать какую-нибудь из своих задумок, и, разбогатев, он не забудет

своего старого друга. Он ведь знает, что я хоть и не гений, но человек надежный, на которого можно всегда положиться. Все это я веду к тому, Берти, что завтра я встречу с Каллингвортом и надеюсь, что наконец устроюсь в этой жизни. Я описал его в надежде на то, что у тебя появится интерес к тому, как сложится моя судьба в дальнейшем, чего, вероятнее всего, не произошло бы, если бы ты не знал, какой человек протягивает мне руку.

Вчера у меня был день рождения, мне исполнилось двадцать два. Двадцать два года вращаюсь я вокруг Солнца. И со всей серьезностью, без намека на шутовство, что называется, положила руку на сердце, хочу сказать, что в настоящее время я весьма смутно представляю себе, откуда я пришел, куда иду и для чего я здесь. И не потому, что не задаюсь этими вопросами или мне это безразлично. Я изучил основы нескольких религий, и все они поразили меня тем, какому жестокому насилию придется мне подвергнуть свой разум, если я захочу принять догмы любой из них. Мораль, содержащаяся в них, обычно совершенна. В той же степени, как совершенна и мораль английского общего права. Но теория создания, на которой она строится!.. Для меня самым поразительным, с чем я встречался за время своего недолгого пребывания на этой земле, является тот факт, что столько умнейших личностей, глубоких философов, проницательных правоведов и людей, повидавших мир во всем его разнообразии, принимают на веру подобное объяснение самого явления существования жизни в тех ее формах, о которых знаем мы. Конечно, имея в противниках всех этих мудрецов, мое личное скромное мнение так и не осмелилось бы проклюнуться из глубин моего разума, если бы меня не наполняла храбростью уверенность не менее выдающихся правоведов и философов Древнего Рима и Греции в том, что у Юпитера бы-

СОДЕРЖАНИЕ

Загадка Старка Манро	5
Письма Старка Манро	
I	9
II	23
III	40
IV	57
V	75
VI	96
VII	112
VIII	129
IX	148
X	165
XI	183
XII	202
XIII	217
XIV	232
XV	249
XVI	267
 Шерлок или Старк?	 282

Літературно-художнє видання

Серія «Увесь Шерлок Голмс»

ДОЙЛ Артур Конан
Загадка Старка Манро

Повість
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Відповідальний за випуск *І. Г. Веремій*
Редактор *Р. Є. Хворостяна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректори *К. В. Шаповалова, Н. В. Сікачина*

Підписано до друку 20.12.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatrua». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 15000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Серия «Весь Шерлок Холмс»

ДОЙЛ Артур Конан
Загадка Старка Манро

Повесть

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Ответственный за выпуск *И. Г. Веремей*
Редактор *Р. Е. Хворостяная*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректоры *Е. В. Шаповалова, Н. В. Сикачина*

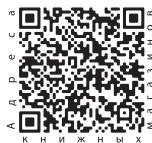
Подписано в печать 20.12.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Literatrua». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 15000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Дойл А.-К.

Д62 Загадка Старка Манро : повесть / Артур Конан Дойл ; пер. с англ. В. Михалюка ; сост. серии и послесл. С. Реутова ; худож. А. Печенежский, Г. Печенежская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2017. — 288 с. : ил. — (Серия «Весь Шерлок Холмс», ISBN 978-617-12-0171-2 (Украина))

ISBN 978-617-12-1699-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3771-6 (Россия)

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)